

Валерий Пикулев

Мыслеформы

Создание зримых образов
при чтении произведений
художественной
литературы

Валерий Пикулев

**Мыслеформы. Создание зримых
образов при чтении произведений
художественной литературы**

«Издательские решения»

Пикулев В.

Мыслеформы. Создание зримых образов при чтении произведений художественной литературы / В. Пикулев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830852-9

Мыслеформа — зримый образ, возникающий при наличии сильной эмоциональной окраски, используемый в религиозных учениях для реализации позитивных сокровенных желаний. Главным тренажёром в создании мыслеформ является литература, способствующая образованию образов, не разрушающих психику. Эта книга, созданная по принципу «от простого к сложному», предоставляет возможность научиться созданию именно позитивных мыслеформ. При чтении достаточно всего лишь зримо представить описываемую ситуацию.

ISBN 978-5-44-830852-9

© Пикулев В.
© Издательские решения

Содержание

Создание зримых образов при чтении произведений художественной литературы	6
На сон грядущий...	7
Проба пера	9
Рождественская сказка	12
Страна, которой нет на картах	14
Добрые дела...	20
«Бесславная» затея	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мыслеформы
Создание зримых образов при чтении
произведений художественной литературы

Валерий Пикулев

© Валерий Пикулев, 2018

ISBN 978-5-4483-0852-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Создание зримых образов при чтении произведений художественной литературы

МЫСЛЕФОРМА, – зримый образ, – яркая мысль человека, возникающая лишь при наличии сильной эмоциональной окраски, без которой появление зримого образа невозможно. Этот феномен лежит в основе всех религий и эзотерических практик, – будь то христианство, ислам, буддизм... экстрасенсорика или йога с шаманизмом и колдовством! – везде и всегда, если хочешь реализовать своё сокровенное желание, обращаясь к Высшим Силам с таковой просьбой, представь, что ты это, желаемое, уже получил в действительности! И чем сильнее и ярче будет представление – мыслеформа! – тем точнее и быстрее твоё желание будет реализовано. Разница лишь в том, с каким желанием и к каким силам ты обращаешься – к Богу ли, влекомый любовью к людям (и к самому себе, в том числе) или...

Однако, искусство создания мыслеформ возникает не на пустом месте, – оно приобретает лишь со временем и в постоянных тренировках! И вот, в этом главная роль исторически была отведена литературе, – лишь она способна легко и непринуждённо «заставить» нас, наше сознание, генерировать **МЫСЛЕФОРМЫ ПРОЧТЁННОГО**. (Теперь понятно, какую цену придётся заплатить нынешнему поколению за информационный прогресс, «отлучивший» миллионы людей от чтения книг!)

В телевидении и в Интернете нам навязываются уже созданные кем-то, не наши «мыслеформы», а потому сознанию нет нужды их и создавать. Согласитесь, если хочется «отдохнуть головой» – смотри телефильм: там они, эти «мыслеформы», уже готовы к употреблению и так и скачут по экрану. – И, лишь, читая книгу, создаёшь в сознании – свои! А вот они-то и имеют на него наиболее сильное, глубинное, воздействие: ведь мы всегда с бóльшим «пониманием» относимся к своим собственным мыслям, чем к чужим. А поэтому смею утверждать, что главный «тренажёр» для создания мыслеформ в сознании человека, имеющего склонность к размышлениям – а таковых осталось ещё довольно много, – это литература. Вопрос лишь в том, **КАКИЕ МЫСЛЕФОРМЫ** при этом создаются в нашем сознании!

Уважаемый читатель! Достаточно взглянуть хотя бы на стеллажи книжных магазинов, чтобы составить себе картину о тех мыслеформах, которые предлагается твоему сознанию генерировать: триллеры, тошнотики, ужастики... убийства... ходячие мертвецы, ужасы, кровь... И всё это, к сожалению, написано мастерски, увлекательно, высокохудожественно (в прямом смысле, без дураков!) и в хорошем оформлении. – Представляешь, насколько яркими и образными будут мыслеформы ужаса, создаваемые твоим сознанием при чтении подобных книг! А ведь это нет-нет да и начнёт потихонечку воплощаться...

Позволь же мне, дорогой читатель, предложить тебе возможность научиться генерировать в сознании иные, не разрушающие психику, позитивные мыслеформы. Кто знает, может быть, что-то как-то и...

Эта книга, созданная по принципу «от простого к сложному», предоставляет возможность научиться созданию именно позитивных мыслеформ. При чтении достаточно всего лишь попытаться зримо представить описываемую ситуацию.

С уважением! – Автор

На сон грядущий...

Начальная установка: Маленькая городская квартирка... Время ко сну... Отец (начинающий литератор) пытается убаюкать сына-кроху, сидя у его кровати...

– Ну что, сынок?! Время позднее: пора и баиньки. Все лесные зверьки уже легли спать.
– И зайчики тоже? – спросил мой четырёхлетний малыш, зарываясь поглубже под одеяльце.

– Да, и они тоже, – подтвердил я. – А ты же у нас зайчика, – да?

– Зайчика... – как-то нехотя и со вздохом подтвердил сынишка.

– Ну, тогда и ты быстро ложись. – Я поправил одеяльце, стараясь получше укутать своего малыша, а он же, – юла! – будто издеваясь надо мною, то и дело норовил его скинуть и, вдобавок, хитровато прищурился карие глазёнки, начал меня теревить за рукав:

– Папа! Папа! Ведь, ты же обещал мне... ещё вчера обещал рассказать мне сказку, а то я не буду спать. Я совсем спать не буду, – и он убедительно помотал головкой из стороны в сторону.

– Ладно, ладно, сынок, расскажу тебе сказку! А ты укройся одеяльцем и лежи спокойненько, – слышишь? Хорошо?

– Хорошо, – и сынуля приготовился слушать. А я, усевшись поудобнее рядом с кроватью, начал рассказывать: «Жил-был царь, и у него было три сына...»

– Папа! Ну, ты же рассказывал же мне уже эту сказку! – Я там всё знаю. Расскажи другую сказку!

«Какую же рассказать ему сказку? – задумался я. – Будто бы уже все рассказал, что знал». И тут мне пришла в голову интересная и смелая мысль, – бывает и со мной такое иногда! – что-нибудь придумать на ходу.

– Ладно! Расскажу тебе сказку! Та-а-кую, что ещё никто никогда не рассказывал! Слушай! – И я начал сызнава: «Как-то, раз, под вечер, возвращался я из лесу домой, в деревню...»

– Папа, а ты и взаправду жил в деревне? Да? – и сынок даже привстал с кровати.

– Лежи спокойно, – строго сказал я ему, – а то никакой сказки тебе не будет.

– Хорошо, папа! – и он улёгся, натянув одеяльце до самого носа, а я продолжил: «Итак, значит, возвращался я под вечер домой из лесу... Солнышко ещё только начало спускаться за большую горку, на которой моя деревушка и стояла: каждый листик и каждая травинка отчётливо рисовались в его косых лучах, создавая ту особенную красоту пейзажа, которая так пленяет путника в утренние или в вечерние часы!..» – а из-под одеяльца тем временем уже послышалось мерное сопение...

«А не хватил ли я лишку с литературным оформлением?» – подумалось было мне, как в комнату тихонечко заглянула жена. – Заснул? – шёпотом спросила она.

– Мама... Мама! – Уходи! – вдруг, встрепенувшись, замахал ручонками сын – Не мешай папе рассказывать сказку!

Я был удивлён не менее жены: неужели четырёхлетний пискунок уже понимал толк в литературных достоинствах моего «произведения»?! Неужто ему было не всё равно как рассказывают, – лишь бы сюжетик поинтересней?!

Окрылённый этим открытием, я с ещё бóльшим вдохновением продолжил: «... Лёгкая полоска тумана, вившаяся из низины, мягко и нежно обволакивала кустики цветков с широкими листиками, на которых стали чуть заметны маленькие бусинки вечерней росы. Эти хрустальные шарики влаги, сливаясь друг с дружкой, скатывались с листиков и, сталкиваясь в воздухе, звенели как маленькие колокольчики...»

Малыш, открыв ротик, слушал, дыша чуть уловимо. Его глазёнки, широко раскрытые вначале, стали «пликать» всё чаще и чаще, а потом и вовсе закрылись. И он ровно и мирно засопел носиком...

На всякий случай, для гарантии, я решил продолжить немного: «... Муравьишки, цепочкою семенившие домой с работы, остановились при этих звуках и стали передними лапками прочищать свои маленькие ушки, чтобы лучше расслышать столь дивную музыку. Молоденький кузнечик, которому родители сегодня подарили крохотную скрипочку, вышел поиграть на ней, – на сон грядущий, – и, усевшись на ещё тёплый камушек, запиликал. А чуть поодаль, в травке, свою вечернюю песенку затянул жаворонок...»

И вот, в это самое время, я заметил в травке маленького гномика: он был в синеньком кафтанчике и в красненьком колпачке с бубенчиком. Увидев меня, он совсем не испугался, а наоборот, поманил своим крохотным пальчиком, чтобы я нагнулся к нему. И, ухватившись за мой воротник, он взобрался на него и зашептал мне на ушко: «Проснись! Не спи! Расскажи, что дальше было...»

Я открыл глаза: мой сынок, приподнявшись со своей маленькой кровати, дёргал меня за воротник, стараясь узнать продолжение...

И тут возникла мысль: Великие сказочники... – для кого же они сочиняли свои сказки в первую очередь? – Не для своих ли детей?!

Проба пера

Начальная установка: Пасмурный осенний день... Отец с маленьким сыном собираются на прогулку...

Мой пятилетний сынишка, – уж и не знаю, как это случилось, – пристрастился писать рассказы. Что сподвинуло его на сие ремесло, – непонятно, однако дело хорошее, что и говорить! Дело не только похвальное, а и, глядя со стороны, довольно забавное. Короче, я начал всячески поддерживать его в этом начинании, в надежде привить не только интерес, но и любовь к занятию, которое – кто знает?! – быть может, определит его жизненный выбор.

Все картонные коробки в доме, обложки старых тетрадей, обрывки бумаги, – короче, всё было испещрено огромными каракулями! – «замыслами», как он сказал мне по секрету. Словечко это, признаюсь, я сам ему подсказал, дабы придать его «творчеству» некоторую целенаправленность.

Как-то он показал мне и один из самых первых своих рассказиков, уже написанный в тетрадке, – буквы в полстраницы, ошибка на ошибке! – но это уже был настоящий рассказ! Затем, где-то на улице, проходя мимо измазанных по самые уши в грязи мальчуганов, он убежденно вдруг произнёс:

– Эти мальчишки ещё не знают, что писать рассказы намного лучше, чем хулиганить, – правда, папа? Ведь, рассказы писать интересней всего! – Такое наблюдение было для меня словно бальзам на душу, и я тут же поспешил заверить его в правильности сей мысли и выразить своё полное согласие.

Дальше – больше! В один из воскресных вечеров мне захотелось взять сына с собой на прогулку, да вот незадача: мультики по «ящику» передавали, ну как тут оторвёшься! И я решил я тогда сыграть на его самолюбии.

– Послушай! – начал я издали, – Знаешь, как мультики делают?

– Не-а! – помотал отрицательно он головой, даже не оборачиваясь в мою сторону, заворожённо уставившись в экран.

– ... Сперва пишут рассказик, потом делают по нему сценарий, – продолжал я своё «чёрное» дело, – а потом уже снимают фильм.

– У-гу! – снова мотнул он головой, но уже утвердительно, с видом заправского сценариста. – Отстань, мол, потом объясню.

– Так вот! – продолжил я «копать яму», – если взять твой рассказик, ну, тот, который ты мне уже показывал, – теперь я осторожно приблизился к самому главному, – ... и поставить по нему фильм, то он будет не в пример лучше той дребедени, которую ты сейчас глядишь (а была и впрямь дребедень: какой-то очередной американский детский боевик). – Ведь, так?

– Так! – снова кивнул он.

– А тогда пошли гулять, а заодно и обсудим наши с тобой дальнейшие планы... насчёт рассказиков.

– Пошли, папа! – сын согласился настолько быстро, что мне с большим трудом удалось скрыть и удивление, и радость! Однако, виду не подал. А он тем временем уже начал одеваться.

– О чём ты собираешься писать свой следующий рассказ? – спросил я его уже на улице. – Ведь главное, это сперва составить замысел рассказа.

– Папа! А те большие книжки, которые у нас в шкафу стоят, – у них тоже были замыслы?

– А как же, сынок! – И тут я ему стал рассказывать про всякие разные рассказы: про рассказы просто, про большие рассказы, которые называются повестями, и про самые большие – романы.

– Понятно... – вздохнул сынок. – Ну, романы писать я пока не буду, – их целый день писать надо, – а мне больше нравятся покороче, чтоб написать сразу, и всё!

– А для чего ты хочешь писать рассказы, – спросил я его довольно серьёзно.

– Чтобы денюжки зарабатывать. – Доралы! – бойко ответил сынишка.

– Молодец! – похвалил я его за деловитость. – Я тоже их для этого пишу. Но только надо, чтобы твои рассказы нравились людям, иначе их никто читать не будет. И у тебя не будет денюжек.

– А как надо писать рассказы, чтобы денюжки давали? – осведомился будущий великий писатель.

– Надо, чтобы в каждом твоём рассказе была главная мысль! Вот, про что ты собираешься сейчас писать?

– Про кота...

– А что там у тебя будет главное?

– Хвост и длиннющие усы!

Я расхохотался, а сынок начал мне объяснять, что у котиков главное, это усы и хвост, и что они мяукают... так что в его рассказе много будет главных мыслей! И тут мне пришло в голову на конкретном примере попробовать раскрыть, какую могла бы стать главная мысль в его рассказе про кота.

– Нет, сынок, – то, что ты назвал: хвост, усы... – это главные «детали» для кота, а в твоём рассказе должна быть та мысль, которая и заставила писать про кота, а не про собачку или слона. Так, есть у тебя такая мысль?

– Не-а, – неуверенно произнес он, – я не знаю...

Тут начал накрапывать мелкий противный дождик, и мы ускорили шаг.

– Пойдём в магазин скорее, – предложил я своему собеседнику, – там всё и обсудим.

Завернув за угол, мы вдруг увидели тощего облезлого серого кота, который поспешил спрятаться от дождя в отдушине подвала. Весь мокрый и взъерошенный, он представлял собою жалкое зрелище!

– Бедный котик! У него, наверное, и домика-то своего нету! Да, папа?

– Конечно же, нет! Он сам по себе, о нём никто не заботится. Плохо ему, бедняжке!

Мы вошли в продуктовый магазин. Слева – кефир и молоко в пакетах разных, сыры, колбаса, масло... Справа – торты, конфеты... А на столике – весы контрольные. Перед весами же, манерно свесив переднюю лапу, сладко дремал на боку большой породистый чёрно-белый кот.

– Киса! – захотел его погладить сын. Но кот только приоткрыл на него затянутые поволокой сонные глаза, сладко зевнул и снова предался приятному созерцанию кошачьих снов.

– Видишь, он здесь главный! А нас он и за людей-то не держит. Так, покупатели... Никакого внимания! А, знаешь, почему?

– Почему, папа?

– А потому, что он здесь на службе! Приписан к этому магазину и находится на довольствии. А работает он по ночам: ловит мышей.

– Папа, а это хорошо, – быть на довольствии?

– Ещё бы! Видишь, какой он сытой и довольный! Его здесь хорошо кормят.

– Когда я вырасту, я тоже хочу быть на довольствии... и приписанным.

– Для этого надо работать, сынок. Помнишь того бедного кота на улице? Он никуда не приписан и не работает, а поэтому его и не кормит никто. Зато он свободный и идёт куда хочет. А этот магазинный кот, – не свободный, но зато сытой.

– Папа, а можно... что бы не работать и быть на довольствии, и ещё этим... приписанным?

– Нет, сынок! И если ты будешь писать рассказик про кота, вот эта мысль и могла бы стать главной.

– Понятно... – вздохнув, как-то вяло произнёс сын.

Через две недели сынуля дал мне для прочтения свой рассказ про кота. В нём корявыми буквами и нескладными словами говорилось о коте, который стоял на довольствии, был приписан и жил себе сытно и весело... – в лесу. А, главное, – был свободен и нигде не работал.

«Эх! Не пошла впрок наука моему коту! – подумалось мне. А, впрочем... – что ж тут худого? Всё правильно: пусть пофантазирует, пока молодой! – Всё правильно!»

Рождественская сказка

Начальная установка: Солнечный зимний денёк... Отец и сын на застывшем пруду...

– Рождество! Вот и наступил этот долгожданный день в году, когда хочешь делать подарки, и так хочется получать их от жизни самому... когда всё кажется вокруг таким волшебным, таким сказочным и добрым! И когда снова начинаешь верить в сказку, сколько бы лет не прошло над седеющей уже головой!

В Рождество собрались мы с шестилетним сыном выйти погулять на Серебряное озеро, что недалеко от дома, подышать морозным воздухом. Мороза, собственно, не было: липкий снег и чуть заметный ветерок создавали то особое настроение, когда так и хочется что-то лепить, строить или играть в снежки... а то и просто дурачиться на снегу.

С крутого бережка, по накатанной широкой ледяной колее, ребятишки весело и шумно катались на чём попало: на санках, на ледянках, а то и просто на какой-нибудь фанерке или без оной. На самой середине озера пять или шесть сорванцов строили снежную крепость и с радостными криками кидались снежками. А поодаль, на ледяной площадке, очищенной от снега, те, кто постарше, кружились на коньках.

Всё это: озеро в обрамлении тёмных деревьев и кустов, сквозь чёрные ветви которых просвечивали дома; разноцветные пятна детских пальтишек и комбинезончиков на снегу... – всё это создавало пейзаж, достойный кисти Великих Фламандцев! Недоставало, пожалуй, только шута в проруби, красного как рак от холода и в колпаке с бубенцами.

Мой сынок, верный обещанию ни под каким видом не кататься с горки, данному ещё дома, – после небольшой простуды ему и вправду надо было поостеречься, – стойко выдержал минут десять, наблюдая с явной завистью за более счастливыми сверстниками, а потом подошёл ко мне и тихонечко спросил:

– Папа! А если я прокачусь один разок, ты никому не скажешь?

– Один раз, сынок, пожалуй, разрешу, – ответил я так же тихо, понимая ответственность, которую беру на себя. – Но, скрывать – это худо (вошло такое старинное словечко в наш обиход)!

– Худо? – переспросил мой сын и как-то поник.

– Да! Врать и что-то скрывать от старших, это худо, – решил я хоть чем-то ему помочь, – но и правду говорить тоже опасно: можно получить большие шлёпки. А вот, если сказать правду, но по-другому... – я замялся, не совсем представляя, что же, собственно, хочу сказать, как мой сынишка сразу всё усёк сам:

– Понятно, папа! – повеселел он. – Я скажу, что случайно подошёл к горке, но споткнулся и случайно скатился, а потом... а потом снова случайно...

– Нет уж! – прервал я его хитроумные построения, удивлённый той непосредственностью и лёгкостью, с которой он вышел из положения. – Возьми вон ту фанерку и прокатись разок. Но только один раз! – Понял? – уже строго наказал я.

– Ладно, папа, – и он побежал к ребятишкам занимать очередь.

...А потом мы стали делать снеговика. Катал большие снежные комья, собственно, я, а мой сынок вертелся вокруг юлой, восхищаясь их громадными размерами и оказывая мне этим существенную психологическую поддержку.

Снеговик получился на славу! Радости и восхищению моего сынули не было конца!

– Папа! А когда мы уйдём домой, ему не будет скучно здесь одному?

– Ну если ему, вдруг, скучно станет, он уйдёт куда-нибудь в лес.

– А разве снеговика могут ходить, – не унимался мой любопытный сынишка.

– Могут! – уверенно ответил я. – А как? Ведь, у них ножков нету.

– А они подпрыгивают: прыг-скок, прыг-скок – так и передвигаются, – нашёлся я. –

Понятно... – вздохнул сын.

Все когда-нибудь кончается! Пришло и нам время покидать озеро – надо было идти обедать. Уходя, сын долго оглядывался на нашего снеговика...

– Папа, он ещё там стоит. Может, он и завтра ещё будет стоять?

– Может, и будет... – задумчиво произнёс я, размышляя о том, как мало надо ребёнку для радости, да и взрослому, пожалуй, тоже... – А, может, и в лес уйдёт.

– А он ночью уйдёт... или днём уйдёт? – Не знаю.

После обеда я отправился в магазин, через озеро. На том месте, у прибрежного куста, где стояло наше творение, ничего уже не было, – ребятишки, строившие крепость, перетащили нашего снеговика по частям для усиления своего сооружения, – осталась всего лишь хорошо утоптанная площадка. И тут у меня мелькнула озорная мысль...

На обратном пути, прислонив сумку с продуктами к дереву и оглядевшись по сторонам, я быстро начал лепить такого же снеговика, – ну и любопытное же зрелище могло представиться постороннему наблюдателю, окажись таковой! – и установил его в парке, метрах в ста от озера...

После ужина, мы с сыном снова пошли на прогулку, перед сном. Направились, конечно же к озеру.

– Папа! Он уже ушёл! – закричал сынок ещё издали увидев наше место.

– Давай, пойдём по его следу, – предложил я тоном заговорщика и, соблюдая все меры предосторожности, чтобы не спугнуть, повёл сына к другому снеговика.

– Вот он! Вот он! – сынишка радостно закричал, забыв все правила конспирации, при виде нашего старого знакомого.

– Он пошёл в лес! Да, папа? Вон, уже сколько прошёл! Он подпрыгивал? Да? – сынишка захлёбывался от радости, демонстрируя, как должен был прыгать снеговик. Я ликовал!

Уже подходя к дому, я спросил сына: – Ну, как? Интересно мы с тобой сегодня поиграли, сынок?

– Интересно, папа. И сегодня большой праздник! Правда, папа?

– Правда! Сегодня Рождество!

А потом он дёрнул меня за руку и, вдруг, тихо и серьёзно спросил:

– Папа!.. А зачем ты сделал другого снеговика? Чтобы интересней было играть? – Да?

Я остановился как вкопанный, толком не зная, что и ответить:

– Так... так, ты догадался? – Да?

– Да, папа, – как-то спокойно ответил сынок.

– А, когда ты догадался, – сейчас или на озере?

– На озере ещё... Ведь, снеговики же сами не ходят. Мне мама ещё в прошлом году говорила.

– А что же ты мне ничего не сказал тогда, на озере?

– ... А мне... а я подумал, что тебе так будет интересней со мной играть, – вот это был подарок, настоящий, Рождественский! – и не сказал тебе, – промолвил мой родной сыночек, взглянув на меня доверчивыми озорными глазёнками. А потом, подпрыгнув на месте, весело добавил:

– Папа! А хорошо, что мы с тобой встретились... и ты согласился быть моим папой! – Правда, папа?

– Правда, сынок!

Страна, которой нет на картах

Начальная установка: Отец предлагает маленькому сыну составить компанию в путешествии в некую загадочную страну...

Середина девяностых, – «успешное» завершение Перестройки...

– Послушай, а ты был когда-нибудь в стране Докорупо, – нет? – поспешил я спросить своего шестилетнего сына, стараясь отвлечь его внимание от лужи, глубину которой он намеревался измерить самым незатейливым и доступным из всех способов.

– Не-а! А что, папа, разве есть такая страна? – сынуля мой спокойно опустил ножку, уже занесённую, было, над лужей, и отошёл от неё на «безопасное» расстояние. Назревавший конфликт, в сущности, был уже исчерпан, но, сказавши «А», необходимо тут же произнести и следующую букву алфавита, как учит нас педагогика.

– Есть, сынок! И я там уже много раз бывал. А ты хочешь съездить туда со мной?

– Хочу, папа, – мой сын всегда так отвечает, когда его приглашают съездить в какое-нибудь интересное место. – А что же это за страна такая, Докорупо?

Я задумался. Как бы ему объяснить попонятнее... Когда-то, давным-давно, в пору моего далёкого детства, по Воскресеньям, – к пяти часам пополудни, как помнится, – старался я всегда быть дома. Придя домой, усаживался перед динамиком и с затаённым дыханием, стараясь не пропустить ни единого слова, с наслаждением вслушивался в звуки знакомой песенки-заставки: «В шорохе мышинном, в скрипе половиц медленно и чинно сходим со страниц...» – именно с этой незатейливой песенки и начиналась самая любимая моя передача: «Клуб знаменитых капитанов». (Затем эту передачу можно было услышать всего лишь раз в году... – тридцать первого декабря, – всё в те же пять часов. А ещё через какое-то время она и вовсе канула в лету).

И вот, как-то в ней, в передаче этой, прозвучал рассказ, оставивший в моей детской памяти настолько глубокий след, что даже сейчас – через столько лет! – помню я об этой самой стране «Докорупо», – стране, ДО КОторой РУкой ПОдать! Пожалуй и не помнится сейчас, о чём был тот рассказ, но так уж получается, что некоторые слова, услышанные нами в детстве, приобретают со временем новый, глубоко личностный смысл, становясь символом чего-то очень для нас важного.

Вот, таким же символом и стала для меня страна Докорупо: символом достижимого, но, увы, уже недостижимого! – Куда ещё можно приехать, но уже нельзя вернуться...

– Папа! Ну, где эта страна хоть находится-то? – дёрнул сын меня за рукав, выводя из состояния застоя. – Когда мы туда поедем?

– В выходные! – твёрдо прозвучал мой ответ.

– Хорошо, папа! – мой сынишка так и подпрыгнул от радости! – Я сегодня же начну готовиться: возьму китайский фонарик, ножки, верёвку, пистолеты с пистонами... А спички надо брать?

– Спички не надо. Купи лучше патронов побольше, – предложил я своему другу с довольно строгим видом, – тридцать восьмого калибра, пачек восемь.

– Папа! Ну, мне же не продадут патронов: я ведь ещё маленький! Ты что, не понимаешь, разве? – мой сынок явно испугался ответственности: одно дело фантазировать самому, а совсем другое...

Я расхохотался: вот, это и есть настоящее воспитание чувства реальности, без всяких нравоучений и прочей «балды»!

– Мы туда, сынок, ничего брать не будем сейчас, возьмём только бутербродов побольше, да термос с чаем. А всё остальное, если понадобится, купим на месте.

Сынишка уже давным-давно забыл о луже и глядел на меня весёленькими глазками – ему это дело было, явно, по вкусу.

– Папа, а можно, я рассказ напишу, как мы будем путешествовать по стране Докорупо?

– Ну, что ж, напиши. Это будет, по моему, даже очень хорошо, – тут же согласился я.

И вот, через пару дней кропотливой работы, к пятнице, сын представил свой рассказ, предупредив однако, что в некоторых местах могут стоять не те буквы. Привожу его без изменений и купюр:

«ВОТ МЫ И ПРИБЫЛИ В СТРОНУ ДОКОРУПО И ПОШЛИ ИСКАТЬ СЕБЕ ДОМ В ДОКОРУПО. ВОТ МЫ НАШЛИ И СЕБЕ ДОМ ИЗ КРАСНАГО ДЕРЕВО ИЗ ТОГО ДЕРЕВО ИЗ КОТОРАГО МОЙ ПАПА СТРОЕЛ УНЕТОЗ. ТОТ ДОМ БЫЛ ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ. ТАМ БЫЛ КАМИН. ЗА ДОМОМ БЫЛИ ДРОВА ТОЖЕ ИЗ КРАСНАГО ДЕРЕВО. ДОМ БЫЛ ТВЁРДЫЙ А ДРОВА МЯГКИЕ. ТАМ БЫЛ ХОРОШИЙ ДИВАН И НЕТОЛЬКО ОН БЫЛ. ЕТОТ ДОМ БЫЛ ТЁПЛЫЙ И УЮТНЫЙ. ОН БЫЛ АДНАИТАЖНЫЙ. У НЕГО БЫЛИ 10 ОКОШЕК И 9 КОМНОТ. ВОТ И ФСЁ ШТО БЫЛО В ДОМЕ. ТАМ МЫ ЕЛИ АСОБИНО ПАПА И ПОТОМ НАМ БЫЛО ОЧЕНЬ СКУЧНО БЕЗ БАБУШКИ. А ОНА ВЭТО ВРЕМЯ ГОТОВИЛА СУП ЧТОБЫ КОГДА ПАПА ПРЕЙДЁТ И ПАПА ПОЕСТ ПОТОМУ ЧТО КОГДА ПАПА ПРИИДЁТ ОН КОНЕШНОЖЕ СПРОСИТ ЕСТЬ НО МЫ РЕШЫЛИ НЕ ПРЕХОДИТЬ ТОЛЬК ВЗЯТЬ БАБУШКУ ЧТОБ ОНА ПОСМОТРЕЛА СТРОНУ ДОКОРУПО ПТОМУЧТО ЭТА СТРОНА ОЧЕНЬ КРОСИВОЯ ТОКАЯ. АТОКОЙ СТРОНЕ НИКТО НЕ ЗНАЕТ ПОТОМУ ЧТО ЭТА СТРОНА ТОИНСВЕНА В КОТОРАЮ МЫ ПРЕЕХАЛИ ПОТОМУ ЧТО НЕДОЛИКО ОТ СЛЕДШЕЙ ОСТОНОВКЕ ТОЕСТЬ НА САМОМ КОНЦЕ РЕЛЬСОВ КАК НА ФИНЛЯНСКИЙ ВОГЗАЛ»

Настала, наконец, и долгожданная суббота. За это время сынуля, отчаявшись найти страну Докорупо на карте мира, весьма обстоятельно расспросил меня о её климате; много ли там речек; и какие штаны и куртку ему лучше надеть; и надо ли взять с собой сушек, чтобы угощать туземцев. – И получил на все свои вопросы не менее обстоятельные ответы.

Правда, по поводу гуигнгнмов у нас возникла целая дискуссия: не будут же, в самом деле, гуигнгнмы – эти маленькие зверьки, похожие на лошадок, если верить Гулливеру – не будут же они, если мы их там встретим, кушать наши бутерброды! Так, не взять ли лучше для них травки? Но, и здесь мне удалось убедить своего напарника: уж чего-чего, а травки-то в стране Докорупо хватает!

Все сборы, наконец, были завершены, и мы направились с ним на электричку, на станцию Ланскую. Уже подходя к станции, сын спросил вдруг:

– Папа, а мы когда вернёмся? – Сегодня?

– Ну, это как повезёт, сынок.

– А как же мультики вечером? Мы их что, пропустим?

– Да что ты! – удивился я. – О каких таких мультиках идёт речь, если мы едем в страну Докорупо?!

– А в эту страну далеко ехать? – не унимлся мой попутчик.

– Нет. Она совсем рядом.

– Так, значит, мы поедем не в страну Докорупо? Ведь, туда же далеко ехать!

– Поедем, и именно туда! – и я рассказал ему об этой стране всё, что знал и как умел.

И что такое – путешествия в пространстве, и путешествия во времени. И мой шестилетний сын все прекрасно понял.

– Папа! Ты хочешь посмотреть, что там изменилось с тех пор? Да?

– Да, сыночек.

– Старая страна у тебя осталась в голове, а то, что там сейчас – это уже другая страна, но очень похожая. – Да? До неё совсем близко. А которая у тебя в голове – до неё уже никогда не дойти. Правильно, папа?

– Правильно.

– И поэтому ты её назвал страной Докорупо. – Да, папа?

Мы сели в электричку и поехали по направлению к Сестрорецку, до станции Горская, – всего полчаса езды, насколько мне помнилось.

Да! Когда-то до Горской было всего лишь полчаса езды! Теперь же поезд плёся еле-еле, боясь сойти с давно уже отслуживших свой век рельсов, которые позабыли почему-то заменить. Он то делал остановки на полпути между станциями, то снова трогался, но не успев разогнаться, вновь тормозил.

Я рассказал сыну про заповедник близ Лахтинского Разлива: когда-то здесь водились канадские бобры, завезённые ещё в тридцатых... – их иногда можно было видеть прямо из окна вагона... Сейчас же слева возвышались громады новостроек, а справа, на месте заповедника, – огромная свалка!

Доехали до Лахты. Поезд хорошенько тряхнуло на стрелке, сразу же после моста, и начались старинные дачные поселения.

– Вот она, Индейская территория! – объяснил я сыну.

А в это время за окном вагона, действительно, было на что поглядеть! Старые места узнавались с некоторым, прямо скажем, трудом. Знакомые деревянные домишки теперь жалко ютились как бедные родственники меж новых вилл, коттеджей и замков, возвышавшихся то здесь, то там, словно айсберги: из разноцветного кирпича, у тех, кто побогаче, у других же – с вмурованными в стены булыжниками и обломками гранита... а то и просто из мрамора. И такая картина была повсюду. Иными словами, создавалось глуповатое впечатление, что средства, приготовленные для ремонта пути, как раз и пошли на эти «айсберги».

Электричка тем временем доплелась, наконец, и до Горской. Именно отсюда, по моему замыслу, начиналась пешая часть нашего путешествия – путешествия по стране Докорупо. Сперва решили мы сходить в местный лабаз, что на горке, да поглядеть, нет ли там чего пожевать: дорога-то не короткая, и бутербродов может не хватить.

Помню, «брал» когда-то я здесь, когда один приезжал, бывало. Брал не только бутылку сухого, но и хлебца, и колбаски с маслом, а то и ватрушку или бублик какой... – посёлки эти снабжались не хуже, чем город: курортная зона, как-никак. – «Индейская территория»!

«Огни Моче...» – нет: «Огни Мончегорска», похоже. А ежели приглядеться получше – какого-то Мангачаура (снепривыки-то и не выговоришь!) – красовалась теперь над «магазин-сараем» гордая вывеска. Видимо, кто-то с Востока откопал здесь свои родовые корни и поспешил заявить права на свою собственность.

Зашли... – одни бутылки да банки железные с тоником! Да ещё сникерсы местного «розлива», похоже, – уж слишком обёртки у них бледноватые какие-то. А, где же хлеб, молоко или бублики, на худой конец? Вот уж, действительно, – «Огни Моче...» – Гм!

– А ведь, раньше-то я здесь и патроны покупал, и даже снаряды, – сказал я сыну с горькой ухмылкой. – Ну, а хлебец-то с колбаской всегда были.

Сын в ответ ничего не произнёс – на подобные шалманы он и в городе нагляделся. Пошли мы посёлком к полю, о котором я частенько рассказывал своему спутнику. – Настоящая Индейская Территория! Он, помнится, так и говорил: «Папа! А когда мы поедем на Индейскую Территорию?»

Спустились по Каугиевской – есть в Горской такая улица – и видим: нет никакого поля! Одни холупы садоводов, куда ни глянь! А из-за близости замороженной стройки, – когда-то здесь начинали строить дамбу, – вместо цветущего дачного посёлка Горская представляла

теперь некое подобие заброшенного шахтёрского городка из «Трудных времён» Диккенса... – Нечего нам тут было теперь делать! И направились мы в Александровку.

Идём по улице Краснодонцев – те же айсберги дворцов среди моря хижин, окружённые высокими каменными заборами, с тарелками спутниковых антенн на крышах! Показал я сыну и сарайчик, в котором провёл свои золотые деньки, и перекрёсток, куда по четвергам приезжала машина с керосином – всего-то из-за каких-нибудь шести-семи человек на весь посёлок! Поставим, бывало, свои круглые пятилитровые банки в ряд, а сами разбредёмся поблизости, в ожидании «керосинного Джо», как я тогда называл старого керосинщика...

– Интересно, привозят ли керосин сейчас? Когда-то этот самый керосинщик, – лет двадцать тому... – лихо приезжал на своей «керосинке», с гордым видом доставал жестяной рожок и, картинно подбаченясь, дудел в него, возвещая весь посёлок о своём прибытии. – Когда-то, давным-давно...

Вспомнилась мне и моя бабушка, – бабушка Шура, как я о ней сказывал сыну, – вот она идёт вперевалочку, опираясь на свою тросточку, и несёт пустую, – ещё одну, мне вдогонку – банку для керосина... Да, лет двадцать тому...

– Пошли, сынок, – позвал я, стараясь поскорее увести отсюда... не его, – себя. – Пойдём к озеру. К озеру Разлив...

Добрели мы и до озера. Его ширь настолько поразила сына, что он, воскликнув, – «у-у, какое громадное!» – в первый момент даже застыл на месте. Потом, уже освоившись, побежал вдоль берега, нагибаясь и бросая в воду камешки. «Странно, – подумалось мне, – „демократические“ преобразования почти совершенно его не коснулись, если не считать заколоченного наглухо туалета при выезде на шоссе с улицы Коробицына».

Мы уселись на одинокую лавочку, у самой воды, и я развернул скатерть-самобранку. Сейчас мы в стране Докорупо устроим пир горой! А потом двинемся дальше. Моего спутника такой расклад вполне устраивал:

– Папа, а мы будем искать гуигнгнмов? Или они сами к нам придут? – спросил он, беря обеими ручонками бутерброд.

– Давай, мы не будем их тревожить: если надо, они сами увидят нас и придут. – А если не увидят? – не унимался сын. – Уж очень ему нравились эти зверьки, придуманные Джонатаном Свифтом!

– Вот на этом, примерно, месте, много лет назад, – попытался я перевести разговор на другую тему, – на этом месте как-то мы с дедушкой Митей тоже пили чай, в начале марта... – В моей памяти отчётливо всплыл тот солнечный денёк: бездонно-голубое небо; вечнозелёные сосны и ели на берегу озера; яркий голубоватый снег, искрящийся на мартовском солнце и заставляющий щуриться... и я с дедушкой... – попиваем горячий чаёк из термоса. Будет ли и мой сынок так же вспоминать нынешний день? Может, и будет...

Отдохнув на берегу, мы решили-было пройтись ещё немного, к музейному комплексу «шалаш Ленина». Правда, идти почему-то не хотелось: далековато для моего юного друга, ну и на мультики успеть бы не мешало, всё-таки. Да и что ему до Ленина! И, пройдя с полкилометра по дорожке, вившейся вдоль берега, повернули обратно, к переезду в Тарховке.

Поднялись к памятнику вождю революции... – сын молча осмотрел его и затем спросил:

– Это дядя Ленин? Да, папа?

– Да, он самый.

– А что он делает? – Уроки?

– Нет, сынок. Он пишет рассказ. Рассказ про государство и...

– Про страну Докорупо? Такой же, как я написал? Да, папа?

– Ну, да... примерно такой же. «А, что? – мелькнула у меня мысль, – ведь, он, действительно писал о стране Докорупо! – О стране, до которой никто из нас так и не добрался! Да! Вот уж верно говорят, что устами младенца!..»

И, вдруг! – С тыльной стороны памятника, на бетонных плитах под ним, заметил я кучку бутылочных осколков... а на затылке вождя – тёмное пятно от полупросохшего пива! «Вот, это да-а! – подумалось мне, – старого человека, пусть хоть и каменного, – бутылкой по темени! Ничего себе! В наше время такого не было!»

Не стоило на этом заострять внимание сына. И я поспешил спуститься на дорогу. Нет, в «наше» время тоже не часто можно было видеть букетик свежих полевых цветов на каменном пенёчке у Ильича – всё больше ставили пустые бутылки из-под лимонада: прохладись, мол, дядя Володя, на солнцепёке-то! Но, что б бутылкой по голове?!

И тут я со всей отчётливостью понял: в наступившей жёсткой эпохе нет места мягкому юмору – одна тупая злоба! По поводу юмора, признаться, подозрение у меня появилось несколько раньше...

Лет пять назад, в самом начале «плюрализма», сошёл я как-то с электрички в Тарховке, подошёл к этому же месту и вижу... – или, вернее, наоборот, – не вижу того самого лозунга, к которому привык с детства: «**ЛЕНИНСКУЮ ПОЛИТИКУ КПСС – ОДОБРЯЕМ!**», — красовавшегося рядом с этим, вот, памятником. Как грустно, как неуютно мне, помню, стало тогда! Ходил я мимо этого дурашливого лозунга много лет и усмехался: «какая там, ленинская политика?! И, главное, – кто её одобряет-то?!» – Но, было приятно! Ведь, этот лозунг висел и десять лет до того, и двадцать... Висел он и в том далёком августе, когда мама водила меня в парикмахерскую, в военный санаторий, – подстригаться перед первым классом...

И вот, лозунг исчез! А вместе с ним исчезла и связь времён, как мне казалось тогда. И совсем, ведь, не важно, из какого материала эта связь была сделана! И так, лозунг сняли! Не рельсы начали менять, уже тогда требовавшие ремонта, а снимать лозунги: это было проще и «нагляднее». И тогда я почувствовал: ничего у нас не изменится к лучшему – всё та же балдень... но только уже без юмора.

Так, за что же дядю Володю так! – За то, что «коммунисты Россию до ручки довели»? – Вряд ли: мало уже кто искренне верит в эту «правду демократов!» Коммунистов хвалить не за что, это верно! Однако, и валить всё на них – значит, скрывать истину! За что же тогда? – За айсберги дворцов среди моря хижин, у разбитых рельсов? А может, за то, что власть упустили, перестав исповедовать то, что сами же и проповедовали (и дали этим не слабый повод к Перестройке)? ...А этим под шумок воспользовались проходимцы с большой дороги, учувявшие выгоду – (помню, как дедушка мой недолюбливал царя за то, что он власть упустил, которая потом досталась этим вот, коммунистам). – Так, может, за это? – И тут же поймал себя на мысли, что за это, пожалуй бы, и... – и что я тоже не люблю коммунистов. Оч-чень не люблю!

И тут я почувствовал, как похолодел лоб, – а что, если наступит день, когда и мой сын вот так же, круто обозлится и на «демократов»? Вот тогда будет страшно! – За него страшно!

– ... Папа, а эти рельсы трамвайные или поездовые? – прервал мои грустные мысли сын.

– Поездо... Ой! – Железнодорожные.

– А трамваи по ним не могут ходить?

– Не могут...

– А почему? – не переставал он выпытывать меня. Вопрос был не слабый!

– А потому, что трамваи не знают, где находится страна Докорупо, – вывернулся я.

– А поезда знают?

– Знают, сынок. Ведь, мы же сюда на поезде приехали. – Этот аргумент, по-видимому, убедил моего собеседника. Он на минутку замолчал, но вскоре продолжил:

– А страна Докорупо... – она такая, как у тебя в голове?

– Нет! Совсем не такая, сынок. Ну, да это ничего. Главное, чтобы и у тебя тоже была своя страна Докорупо. И чтобы она не становилась хуже со временем. И чтобы ты никогда

не сердился на её прежних царей, отдавших власть ещё худшим! – Пойдём на станцию, скоро наш поезд...

Поймёт ли мой сынишка, что хотел я сказать ему? А сам-то, – понял ли?

– Папа, а дядя Ленин на пеньке сидел? – Да? – вдруг спросил меня почему-то сын.

– Да, на пеньке...

– А пенёк у него каменный?

– Нет, пенёк у него был деревянный: мы как-нибудь сходим к его шалашу в другой раз и поглядим.

– Так, значит, деревянный? – не унимался мой спутник. – Из красного дерева... из которого ты унитаз сделал? – Да?

Тут я расхохотался: куда ни кинь, а, всё-таки, жизнь своё возьмёт! И, слава Богу! Вот только б не разобидеться когда-нибудь, и в самом деле, на «демократов» этих, или как их там... – ну, сейчас которые.

Добрые дела...

*Светлой памяти
Александры Григорьевны
и Дмитрия Егоровича
Егоровых – моих
бабушки и дедушки*

Начальная установка: Умудрённый опытом человек преклонных лет пытается осмыслить прожитое...

«Добрые дела, намерения... а, скорее те, кто их совершает, создают вокруг себя некое силовое поле», – подытожил я, только что просмотрев телепроект об опытах над водой. В нём со всей убедительностью, на какую только способен Игорь Прокопенко, – а он способен! – было показано чудо! – Кластеры диполей воды, под действием прочтённых над ними молитв, или просто добрых слов, создавали упорядоченные и довольно красивые структуры. Ну а если над ними слегка матюгнуться, тогда...

Тогда, вне всякого сомнения, и люди, втянутые, – пусть даже не подозревая того, – в подобное силовое поле доброты, начнут испытывать его благотворное воздействие. Но почему же это случается так редко? Не оттого ли, что просто у этого поля не хватает напряжённости? А значит, поле это надо поддерживать постоянно, превратив «делание добра» во «вредную» привычку, и этого не замечать.

Давно это было... Уж и не помню когда. Однако постойте, – могу, всё-таки, вспомнить, и даже с хорошей точностью: я уже ходил, но ещё не в школу... уже изъяснялся, но ещё не матом. – Значит, мне было пять, ну плюс-минус там...

– Сынок, – бабушка, насколько помнится, всегда ко мне так обращалась, – ну что поделаешь: бабушкин сынок и есть! – я с рынка шла, и дай, думаю, позвоню в дедову контору, с телефону-то на углу Дивенской. Сегодня ж его поезд прибыть должен. В два часа, сказали, будет. Собирайся, кыль хошь. Вот, кашки манной сварю для него, и поедем.

– Дедушка приедет, дедушка приедет! – закрутился я по четырёхкомнатной коммуналке, словно юла, – из комнаты в кухню, из кухни в комнату, – к неудовольствию соседей: опять дней десять терпеть лишнего домочадца.

Мой «дешка» (я так его, бывало, звал) был проводником пассажирского состава дальнего следования. Уезжал в поездку на неделю, а потом неделю-полторы дома. Всегда ходил в кителе с погонами (железная дорога тогда была полувоенной организацией, приписанной к железнодорожным войскам) и в фуражке – благо, форма была казённая и регулярно обновлялась. Ездил в Москву, в Киев и даже в Крым, – в Симферополь. Привозил мне фрукты, – по целой корзинке! – и книжки, оставленные пассажирами.

«Пятнадцатилетний капитан» в ободранной обложке, «Том Соьер», залитый черничным вареньем... – Они и сейчас... Эх, да что там, – дедушка есть дедушка!

Помню, водил он меня как-то в Железнодорожный Музей, на Садовой... А там, в одном зале, смотрителем оказался его бывший напарник, уже пенсионер. Так они мне показали на действующем макете, что такое неправильно стрелку поворотить... – Паровозик с пятью-шестью вагончиками, разогнавшись было, сделал сальто на пол! Вот тогда мы поохотали!

И вот, дедуля приезжает! Я уже представил себе, как мы с бабушкой вылезаем с трамвая и идём на Московский вокзал, выходим на перрон... а там, у вагона №7 – «нумерация с головы состава», – он нас уже дожидается. Лезем в вагон, в служёбку, – а там столько всяких лампо-

чек и выключателей! – и бабушка достаёт сумку с тщательно укутанной кастрюлькой, с тёплой еще манной кашкой! – Дедушка с юности желудком тужил, и тёплая манная каша была для него вроде манны небесной. А потом медленно едем, – на поезде! – в депо, где мой дедушка ещё должен сдавать вагон. Затем мы с бабушкой берём корзинку с фруктами и отправляемся домой, снова на трамвае. А он придет вечером... с тремя флажками в кожаном чехле: красным, жёлтым, зелёным... с жестяным «фонарьком», как его называла бабушка... А в фонарьке том огарочек свечки... а стёклышки – красный, жёлтый, зелёный... синий... И с большими карманными серебряными часами!

– Бабушка, а почему ты решила дедушке отвезти кашку, ведь он же неделю её не ел, потерпел бы до вечера. – Да что ты, сыночек! – похоже, мой довод ей не пришёлся по душе, – ведь, ему ж для желудка хорошо горазд, а когда ишо вечер твой! Пушай с дороги-то и поист. Я ему всю жизнь кашку носила манную, когда работал, бывало...

– Бабушка, а где мой дедушка работал раньше? – Ведь, он говорил, что вы в деревне жили.

– А што, в деревне, поди, не работают? Вот и он работал, – на железной-то, на дороге, – стрелочником.

Мне и раньше доводилось слышать от дедушки о его житье-бытье в деревне. ... О том, как его учили грамоте: сперва старенький священник (восемь недель до Великого Поста), а затем ссыльный студент из Питера – после... (шесть недель). Пройдя этот курс деревенской науки, мой дедуля знал четыре действия (лишь на десять умножал с трудом, – никак не мог поверить, что надо всего лишь нолик приписать) и две или три главы из «Евгения Онегина» – наизусть! А «Бородино» – полностью (чем я и сейчас-то не могу похвастаться)! С их деревни таких лишь двое было, и к ним ходили читать и писать письма со всей округи.

– Бабушка, а ты расскажешь мне какнибудь... – Расскажу, сынок, кыль хошь.

А вечером, когда приехал мой «дедяка Митя», – уж и не помню, почему я так его называл в раннем детстве, – мы пили чай с пирожками (бабуля очень разбиралась в пирогах и была в этом деле отменная мастерица!) – и, слово за слово, началась неторопливая беседа.

– Дед, а не помнишь ли, когда мы познакомились-то в Порхове, на ярманке: в Маслену или на Светлой Седмице?

– Чего удумала, старая, вспоминать ишо... на ночь-то! – «дешка» мой никогда, сколько помню, с бабушкой не ругался и даже голоса не повышал. «Старая» или «Катерина ты старая» – были почти нецензурной бранью; и только сильно осерчав, – на меня, скажем, – он прибегал к более крепким выражениям, вроде «такую-то маковку». Я долго не мог понять, да и дедушка так и не объяснил, почему бабусю, которую соседки звали Шурой, он иногда обзывал старой Катериной. И лишь много лет спустя вычитал где-то: старыми Катеринами звали бумажные екатерининские банкноты с портретом императрицы, которые во времена Александра Первого ещё были в обороте, но считались уже ненадёжными, чуть ли не фальшивыми. Вот отсюда и пошло.

Бабушка вышла замуж рано, в восемнадцать, а дедушка был на год старше. Жили они близ Порхова, у станции Дно, – бабуся в Межничке, что на речке Дубёнке, впадавшей в Белку (приток Шелони), дедуся же, – на взгорье, в Заячьей Горе, что в трёх верстах, ежели напрямки. У них протекала Ужинка, впадавшая в Полонку (другой приток Шелони). – А, поженившись, обосновались в Межничке.

Через год Митюшка, – бабушка никогда мужа не называла Димой (да и я с неприятием отметил как-то, что Дима – ещё один вариант имени моего «дедушки Мити») – так вот, Митя, знавший грамоту, устроился на железную дорогу стрелочником, на полустанок Вязье, что в версте от Межничка, ближе к Питеру. Вот об этом-то периоде их жизни, собственно, бабушка и поведала. Полился рассказ, и поплыли картины сельской нехитрой жизни...

Шура встала уж засветло, с третьими петухами, – ах, как бабушка, помню, хотела вновь услышать петушков, ну хотя б ещё разок! – подмела сени, вымыла пол в горнице, позавтракала: кружка молока да большой ломоть хлеба, испечённого вчера. Ну ещё мелко порубленная свежая капуста со сметанкой. Затем же поставила вариться кашку манную, на молоке, – для Митюшки. Он вчера на свадьбе гулял, у двоюродного брата. «Гулял» – сильно сказано: Митя почти не пил совсем, и табаком не баловал. Так, посидел маленько, да и к дому, – на службу надо вставать рано. Вот и ушёл с первыми петухами.

Они с напарником дежурили на полустанке: маленькое такое, одноэтажное строение красного кирпича, в Вязье. Вот туда-то она и отправится, за версту, – ближе к обеду. Шура ходила к Мите своему каждый день, когда работал, и носила тёпленькую манную кашку, до которой он был большой охотник. – С детства желудком маялся.

Вышла из дому. Направилась вдоль железной дороги. Вспомнилось, как в детстве бегала с ребяташками сюда – глядеть, как поезда «проходят». А богатые господа-пассажиры бросали из окон всякие диковинки: серебряные бумажки (а когда и с картинками даже!), какие-то ярко-жёлтые «шалушки»... – а от них так вкусно и хорошо пахло!

А потом приезжали учёные из Питера, – курганы раскапывать. А там, в курганах в этих, находили человеческие скелеты с длинными косами на черепах, – китайцы, сказывали. (Я, помнится, не очень-то верил в бабушкины рассказы про китайцев, – откуда ж им взяться-то, под Псковом! – пока сам не прочёл где-то, что при строительстве Николаевской дороги привлекали китайских рабочих, гастарбайтеров, по-нонешнему). Вот и детство вспомнилось, – что сбредится?! – оглянулась вокруг...

А вокруг – июньская благодать! – Стрёкот кузнечиков и желтые солнышки одуванчиков в травке, звонкоголосые жаворонки в небе! Шура даже остановилась, пытаясь разглядеть застывшую, словно вмороженную в бездонную глыбу небес, махонькую пичужку. Увидала: вон она «стоит» на одном месте, трепеща крылышками, и выводит свою песенку-дразнилку: «Му-жи-ки-и-и-и-и-ду-ра-ки-и-и-и – - - - - жги-те-се-но-ско-ро-ле-то!» А над полями носятся чибисы, оглашая окрестности писклявыми криками: пи-И-И-И- - - - - пи-И-И-И- - - - - пи-И-И-И-т-р-к... Их много и на земле, важно расхаживающих, – в чёрно-белых фраках, с кокетливыми хохолками, – среди картофельных грядок. – Благода-а-ть!

Однако, пора, Митюшка заждался, поди. Издали ещё, завидев станционную сторожку, удивилась: Митя обычно встречал её на лавочке, у стрелки. Сейчас же – никого! По делам, видать, подался. Иногда так бывало – пути проверить, да мало ли...

На железную дорогу её муж попал не случайно: в Межничке он один был грамоте учён. А напарник его, – с деревни Выскодь, что ещё дальше Заячьей Горы, – тоже.

На полустанке в ту пору ещё не было телефона, однако уже стоял телеграфный аппарат. По нему-то и передавали сообщения, из Великих Лук или со станции Дно, о приближающемся поезде: в Питер или из Питера... – В Вязье был разъезд и тупиковая ветка для отстоя состава. Так вот, эти сообщения надо было принять, прочесть, да ещё и правильно понять куда воротить стрелку. А после надобно сделать запись в журнале и указать время приёма телеграммы. На этот случай у дедушки были большие карманные серебряные часы с цепочкой, фирмы «Eitner» – те самые (они и сейчас ходят). Поезда в Вязье останавливались редко: лишь когда подходили к разъезду одновременно, с обоих направлений.

Шура подошла к маленькому кирпичному домишке с доской над входом, на которой чёрной краской выведено: «ВЯЗЬЕ». Вошла в открытую дверь... и обомлела! – Телеграфный аппарат строчит «что е мбчи», никак поезд идё, – жаль, что грамоте не обучена! – прочла бы. А Митя с напарником тоже «что е мбчи» – храпят на лавках.

Разбудила, растормошила их, – какая там каша манная?! – поезд принимать надо! Митя вскочил, и к аппарату! – Ванька, – поезд идё, кажись! Бяри жёлтый, гди он? Не видал? – (Дело

в том, что проходящий поезд надо было встречать жёлтым флажком, чтобы стрелку на малой скорости проходил), – а я стрелку воротить пойду.

Вышел Митюшка, приложил руку кó лбу козырьком и, сморщив переносицу, стал вглядываться в темнеющую вдаль полосу леса. И вот, показалось над лесом облачко дыма. В безветрии дым оставался долго висеть над кромкой леса почти неподвижным шлейфом, однако источник дыма быстро приближался.

– И впрямь, кажись, идё, – произнёс Митя вслух и неспешно пошёл воротить стрелку.

Тем временем из лесу, куда убежали рельсы, показался паровозик. Было слышно уже, как он пыхтел, таща за собой с полдюжины вагончиков. Ваня с Шурой тоже вышли поглядеть. Иван достал жёлтый флажок и, развернув его, приподнял над головой.

А пассажирский состав, как ни в чём не бывало, неспешно проходил мимо, постукивая на стыках. И не ведали беззаботные пассажиры, что жизни их теперь ничто не угрожало, – ведь, они были под защитой Великого Поля Доброты, созданного заботами простой крестьянки о своём хвором муже!

Да и ведала ль сама она об этом... – кто знает, кто теперь скажет?!

«Бесславная» затея

Начальная установка: Лето... Песчаный пляж... – воспоминания детства...

Море спокойно. Водная поверхность лагуны лишь слегка покрыта рябью, отбрасывая солнечные блики и переливаясь всеми оттенками зеленовато-голубой палитры. Пустынный пляж... Угловатые тени кокосовых пальм, образовавших кое-где, вдали от едва уловимой белой полосы прилива, тенистые рощицы... жёлтый горячий песок, струящийся меж пальцев тоненькой струйкой, убаюкивая и навевая сон...

Искупаться, что ли, ещё разок? Да только, вот, подниматься лень. Ну и акулы тоже... Так и лежал бы себе, размышляя о пиратах, спрятавших где-то здесь, на этих островах, свои сокровища... о бликах южных морей... о том, что завершилась, наконец, эта нудная четвёртая четверть, а с нею и шестой класс, будь он неладен!

...Наша бригантина, мачты которой с убранными парусами так чётко рисуются на зеленовато-голубом фоне моря, слившегося с небом в лёгкой, едва уловимой дымке, стоит на якоре, в трех кабельтовых от берега. Вдруг левый борт её, что повёрнут к берегу, окутался беловатым дымком – и через одно-другое мгновение до моего слуха донёлся приглушённый раскат пушечного выстрела. Тотчас же от борта отвалила шлюпка и, взяв курс на берег, стала медленно приближаться с каждым дружным взмахом шести вёсел, – вода, стекавшая с них при каждом взлёте, искрилась на солнце, словно расплавленное серебро.

Шлюпка уже настолько близко подошла к берегу, что вот-вот, казалось, нос её зароется в прибрежный песок. Ещё один хороший гребок, ещё один дружный взмах вёсел и...

И вдруг, в зарослях камышей, что с обеих сторон обступили пляж, создавая в этой части озера уютную бухточку, что-то зашуршало, и на берег вылез весь обвешенный тиной Серёга.

– Не, раков здесь нету, – констатировал он, отвлекая меня от сладостных грёз о южных морях, – за раками надо на реку Сестру, а тут, на Разливе, нету их. – Ну и дёрнуло ж его, со своими раками, в самом интересном месте прервать!

Шестой класс, правда, закончен не как нибудь, а с отличием! – и в этом, надо сказать, заключена вся прелесть только что начавшихся долгожданных летних каникул. Теперь-то вот и оттопыриться не грех, по полной! О пиратах помечтать, о кладах там... о дальних южных морях! Да что там говорить! Ведь вы и сами всё это не хуже меня знаете.

Всего лишь позавчера мы приехали на лето в свой сарайчик, что снимали у родственников в Александровке уже не один год. Только въехали на такси во двор, а Серый со своими уже здесь, – в нынешнем году они у тёти Ульяны сняли весь второй этаж, с маленькой кухонкой впридачу, – улыбается, рот до ушей, и рожицы строит всякие.

Сергей перешёл в шестой, – и всего одна тройка! – уж больно стебался! Да я не стал выпячиваться со своими пятёрками – пусть повиламывается! Мы были оба рады встрече, ведь, целый год не виделись! Теперь будем снова ходить вместе в поле, на залив, на озеро! Эх! – Хорошая это штука, лето!

– Послушай, Серый! Так ты что, всё лето хочешь своих раков ловить?

– Скажешь тоже! Я так. Вот, если б лодку достать, тогда можно было заняться ловлей! Да только у дяди Алика нету, а чужую отвязывать – пендалей надают! – При этом он с сожалением покосился на чью-то лодку, плескавшуюся на воде, привязанную цепью с замком к забетонированному в берег толстому железному дрыну. На борту лодки чёрной краской был жирно выведен регистрационный номер.

– Да-а! – поддакнул я, – что ни говори, а с лодкой было бы куда интересней! Можно б и на залив отсюда махнуть, по Сестре, к островам. А там старинные пушки. И клад, может,

какой-нибудь спрятан! В пиратов поиграли бы! – Как в южных морях, острова с сокровищами! Вот это было б здорово!

– Верно мыслишь, старик! – только и вздохнул Серёга, – когда вырасту, обязательно капитаном стану... дальнего плавания... или куплю резиновую лодку.

На другой день с утра было пасмурно. Моросил мелкий противный дождик. Он так и лил всё утро – ни в поле выйти, ни на озеро смотаться! После обеда сидим мы с Серёжей на крыльце и не знаем чем бы заняться.

– Знаешь, мне вчера отец из города книжку одну привёз – «Остров сокровищ». Вот это да-а! – с восхищением произнёс Серёжа, – весь вечер читал вчера. И сегодня буду.

– А мне дашь потом почитать? – спросил я приятеля.

– Потом дам...

Мы надолго замолчали. Каждый о своём думал. – О своём острове сокровищ в южных морях. Вот бы туда, на бескрайний морской простор, где – куда ни кинь заворожённый взгляд, – изумрудные волны до самого горизонта! А на горизонте, словно мираж, – остров с пальмами и пиратскими кладами!

– А что если... – Серёга наморщил лоб и почесал под носом, – если лодку самим построить? Построим и будем плавать по Разливу. Рыбы наловим.

– Не, лодки нам не построить, – тут же возразил я, вытряхивая песок из сандалий, – её, ведь, и конопатить надо и смолить; и каждый раз потом домой тащить с озера: нельзя же там оставлять, без цепи и без номера, – стырят! А вот, если плот смастрячить – всего с десяток брёвен, – так его можно прямо на озере и держать, кому он нужен-то! Да и строить его лучше у самого озера. Подумаешь! – связал брёвна верёвками да досочек приколотил гвоздиками, и готово!

– Верно! – тут же согласился Серёга, что, впрочем, на него не было похоже: он всегда норовил поспорить и настоять на своём. А тут сразу и согласился. Чудно как-то! Ну да ладно – согласился и хорошо. Значит, моё предложение, и вправду, стоящее оказалось.

А дождик так и проморосил весь день, до самого вечера. Зато на следующее утро погода установилась изумительная! Однако, после вчерашнего затяжного дождя в поле идти не хотелось – чего там в сырой траве мокнуть! Да и купаться с утра на озеро тоже неохота как-то. И пошли мы с Серым прогуляться по посёлку, – так, пошататься, поговорить. Побродили, побродили и повернули к озеру – место присмотреть в камышах, где можно было бы плот прятать. Однако, как ни искали, всё лучше нашей камышовой бухточки не найти. Остановились на ней. И, усевшись на корягу, как заправские, выдавшие виды искатели приключений, пустились в рассуждения.

Самое главное и самое, пожалуй, приятное, что нас никто не гнал со строительством плота – впереди целое лето! – вот, мы и вкусили на полную катушку всю прелесть обсуждения своих замыслов. Ах, как хорошо, как приятно обсуждать проблемы, с решением которых тебя никто не торопит! А ещё лучше, когда и решение-то от тебя не зависит. Да только сдаётся мне, что и вам это известно не хуже.

– Ну, место для плота, пожалуй, мы и нашли, – задумчиво произнёс Сергей, жуя стebelёк тимофеевки. – Теперь бы брёвен достать побольше.

– Да погоди ты с брёвнами, – прервал я его, устраиваясь поудобнее на коряге, – сперва надо бы верёвками запастись, да гвоздями. (Уж очень не хотелось мне заморачиваться с какими-то там брёвнами, когда можно было начать с чего-то попроще). – А с брёвнами потом разберёмся. Эх! Вот, в южных-то морях! Мы бы с тобой не такое отчудили!

– Да-а! В южных морях красота-а! – поддакнул Серёга.

– Ну, молоток и топорик мы у дяди Алика потом попросим, – продолжил я свою мысль, воротившись с южных морей, – а вот кусачки надо, пожалуй, уже сейчас поиметь.

– А зачем кусачки? – спросил, немного поразмыслив, Серёга, – он, надо сказать, не очень-то догадлив был, ну что с троечника возьмешь!

– Как зачем? А чем ты гвозди будешь выдирать? Не хватало ещё денег доставать на покупку: мне их просто так не дадут, объяснять придётся – что да как, да зачем. Вот, из заборов и будем...

– Голова-то у тебя хорошая, да только не в ту сторону думает, – хихикнул Серый. – Ладно. Согласен!

Решили, что родителей в это дело посвящать ни к чему, а потому договорились так: Серёга будет заниматься добыванием верёвок – благо, их много нужно для плота, – а я должен обеспечить гвозди (ржавые кусачки мною уже были давно примечены между забором и бывшим коровником, у дяди Алика).

Сейчас, когда я вспоминаю те светлые и, по-настоящему, счастливые деньки юности, не могу удержаться от улыбки, но тогда...

Целых пять дней бродил я по Александровке и украдкой выдирал гвозди из заборов! Надёргал сотни две, две с половиной – уж и со счёту сбился, – причём, ржавые не брал. Это монотонное занятие, конечно же, быстро бы надоело мне, если... – если б всё это время в глазах не рябили блики южных морей, наш плот, вроде знаменитого Кон-Тики, пальмы на таинственных островах... старые, пожелтевшие от времени и пролитого рома карты пиратов, на которых крестиками обозначены места кладов... – Ну да что там: вы ведь и так хорошо меня понимаете!

Гвозди старался добывать в отдалённых от нашего дома закоулках, где меня не знали, да так разошёлся, что и не заметил как чуть было не влип. Ташу я как-то очередной гвоздь, и вдруг чувствую, что кто-то меня «счёт». Оборачиваюсь медленно и вижу: какой-то мужик стоит и наблюдает за мною с большим интересом и давно, похоже.

– Ты чего его здесь делаешь? – спрашивает. У меня тут же кусачки упали в канаву, а сердце – в пятки!

– Дяденька, помогите! Подержите-ка забор, пожалуйста! – выпалил я то ли со страху, то ли сдуру, – надо гвоздь этот получше заколотить, а то... а то он прохожих зацепляет (хотя между забором и дорогой была сухая канава, почти с метр шириной). – Подержите здесь, а я... а я с другой стороны...

Мужик вытаращил на меня глаза, но, всё-таки ухватился обеими руками за ограду. Сколько он держал её, неизвестно, потому что, схватив кусачки, я быстро завернул за угол и дал такого дёру, что и сейчас не могу вспоминать тот случай без улыбки!

– А Серёга тем временем добыл несколько длиннющих кусков верёвки. Особо не заморачивался: срезал их без канители и затей один за другим со столбов в поле, нимало удивив этим нашу соседку: ведь, вчера же только новую верёвку повесила, и на тебе – нету!

Из этих кусков мы связали верёвку длиной метров сто! В поле связывали, чтобы никто не заметил. Правда, клубок получился здоровый, с футбольный мяч, и нам снова пришлось развязать верёвку на куски. Эти, вот, куски верёвки и гвозди мы тайком принесли домой и спрятали под крыльцом, в рундуке. После того, как все подготовительные процедуры были столь успешно завершены, настало время подумать и о брёвнах...

И вот тут-то нам стало ясно: как хорошо, как приятно, всё-таки, заниматься мелочами, оставляя главные дела напоследок (вам, наверное, тоже доводилось это испытывать)! – А вот теперь-то мы даже не знали, что и подумать, с какой стороны взяться!

– Проблемка! Не сосны же валить! Да и как их до озера переть-то потом? – начал рассуждать вслух Серёжа, когда мы приступили к обдумыванию столь важного этапа нашего предприятия.

– Ведь ещё и досок надо раздобыть, – возникла вдруг у меня столь своевременная и спасительная мысль, – чтобы брёвна сколачивать. На одних верёвках плот будет неустойчив.

С досками было, всё же, проще: по соседству с нами строили сарай, и скопилось много обрезков, которые собирали, кому не лень, на дрова. Вот за неё-то, за эту спасительную мысль, мы и ухватились, отдалив решение главной проблемы ещё на неделю – уж так не хотелось нам обременять себя тяжёлыми задачами! С брёвнами как-нибудь потом разберёмся – время подскажет, – а пока... А пока мы набрали досок и тоже спрятали их под крыльцом.

Прошла ещё неделя, наступил июль. Брёвен всё не было. Эта проблема уже висела над нами как грозовая туча, затмевая голубизну безмятежных мечтаний. Даже блики южных морей, казалось, стали не такими яркими! Но вот, как-то раз...

Как-то прибегает ко мне в сарай Серёга и сходу: – Ура! С брёвнами – порядок! Айда в поле!

Ничего ещё толком не понимая, побежал я с приятелем в поле, а там... а там, в поле... – Вы представить себе не можете! А дело было в том, что поле пересекала старая телеграфная линия: разошедшиеся от времени её столбы уже давно требовали замены. И вот... И вот их начали, наконец, менять!

На всём протяжении линии – от Гнилого Ручья, близ озера, и до полоски леса, темнеющей вдаль, – уже стояли новёхонькие, чёрные, хорошо просмоленные столбы, а старые, заменённые, валялись тут же, рядом. И так по всей линии! Я сразу же всё понял!

– Послушай! Нам надо все старые столбы по линии перетащить к озеру, пока их не увезли отсюда. – Сообра-жа-а-ешь! – удовлетворённо заметил мой приятель с растяжкой.

Кое-где на линии, ещё копошились рабочие, закрепляя опоры новых столбов, но подожждать денёк-другой нам не привыкать! Как только они умотают, тут же и начнём.

И мы начали. Сразу же после отъезда рабочих, прихватив с собою пять поленьев, что покруглее, – из поленицы, которую дядя Алик заготовил на зиму, – отправились мы в поле, к самому дальнему столбу, что у леса! Наш план был до гениальности прост: подкладывая под столбы поленья, словно катки, мы должны были последний (тридцатый по счёту) столб, дотащить до предпоследнего... затем, уже два столба, до следующего – и так далее, пока все столбы не окажутся на краю поля, у перелеска, за которым шоссе и озеро. Удастся ли и как перетащить столбы через перелесок и шоссе (по которому редко, правда, но ходят, всё-же, машины: дорога к Шалашу Ленина, как никак!) – об этом мы решили поразмыслить потом. А пока с охоткой взялись за дело.

На перетаскивание первого столба ушло часов пять чистого времени. Попеременно подкладывая поленья, мы, шаг за шагом, продвигали наш столб вдоль линии – через колючие кусты можжевельника, через ивняк, обливаясь потом под палящими лучами солнца, искусанные оводами и слепнями! Я не берусь судить, какую картину мы являли собою в это время со стороны – два нагих пацана (одни трусы и тюбштейки, да сандалии), – но кому довелось созерцать гравюры о строительстве пирамид в Древнем Египте, тот мог бы, пожалуй, составить себе некоторое представление... – Нам не хватало всего лишь надсмотрщиков с кнутами, роль которых с успехом выполняли сами, по совместительству.

– Фу-у! Наконец-то! – выдохнул Серёга, когда последний столб был доташен до предпоследнего. Это радостное событие случилось уже во второй половине дня, после обеда. Вконец измотанные, но безгранично счастливые, мы уселись на столб и решили произвести некоторые подсчёты.

– Пять часов на один перегон – целый рабочий день! – Слышь? А сколько же времени вообще понадобится на все тридцать столбов? – задал Сергей законный вопрос, – а ну ка, математик, прикинь. Я задумался.

– Один столб должен пройти двадцать девять перегонов, – начал рассуждать я вслух, – другой уже двадцать восемь. – Это всё равно, что протащить один столб четыреста тридцать пять перегонов! – выложил я минуты через три напряжённого счёта в уме. Выложил и изумился: год и два месяца непрерывного труда!

– Ну-у! – только и протянул Серёга.

Действительно, – закончится лето, а мы будем тащить только третий столб. Пойдут осенние дожди, а нам придётся возиться с пятым. Холмы в поле уже засыпет снегом, а мы сможем похвастаться только семью!

– Похоже, мы не с того конца начали, – озабоченно произнёс мой приятель.

– Постой, постой! – просиял я. – Ну ты, Серый, и молодец! Завтра же и начнём!

– Что начнем? – удивился Сергей.

– Да с другого конца начнём, балбес! Ведь, сам же... Я быстро прикинул: стащить второй столб к первому – один день. Третий – ещё два. Четвёртый... – За месяц мы восемь столбов соберём, а то и все десять, если поднатужимся! А августа нам за глаза хватит поплавать! На том и порешили.

Но, ни на другой день, ни на следующий за ним, мы с Серёгой так и не смогли выйти в поле: у меня ломило все кости, да и Серому, думаю, было не легче. Только к вечеру третьего дня вышли мы на улицу – посидеть на скамейке перед домом, обсудить наши дела.

Приятная усталость! – скажете вы. Ну какая там усталость, да ещё и приятная! – нлыло всё тело, особенно руки. Попробуйте-ка с непривыки брёвна целый день ворочать!

Но зато через три дня работа закипела! Теперь мы уже не были новичками, теперь мы тащили столбы, помогая верёвками! За один день второй столб был притащен к первому, а третий уже находился на полпути! Через пять дней работ уже четыре столба аккуратно были сложены вместе, и мы начали примеряться, как вязать из них плот. Работа спорилась, настроение было прекрасное! И блики южных морей с новой силой заиграли буйством тропических красок! А через неделю добавилось ещё два столба. Покрывшиеся, было, волдырями руки, уже стали заживать, и на них теперь красовались твёрдые, как у настоящих матросов, мозоли. Кожа на наших плечах и спинах слезла от загара, но мы словно и не замечали этого – конечная цель была уже близка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.